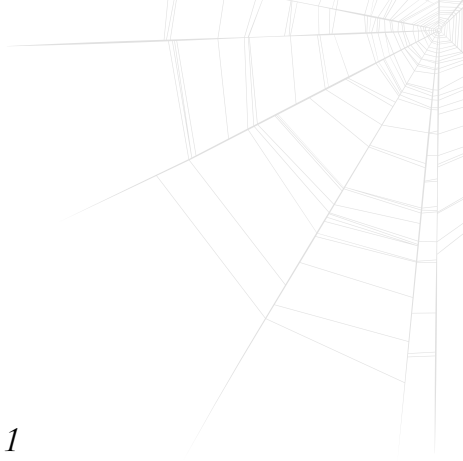

ГЛАВА 1

Майлз расставлял тарелки по столу. Белый сервиз с голубым орнаментом — витиеватые цветы и затейливые изображения старых китайских деревень, в которых никто из членов его семьи никогда не бывал. Фарфор из Поднебесной, как называл его отец, достался им от бабушки и использовался только по воскресеньям и по праздникам. И хотя было воскресенье, для Майлза сегодняшний день был в то же время и праздником, так как заканчивалось его наказание.

— Впредь, сынок, постарайся сходить в туалет, прежде чем пойти к нему на урок, — сказала мама Майлза. Она открыла окно и принялась размахивать кухонным полотенцем, выветривая дым из духовки. — Иначе, клянусь, если тебя снова отстранят от занятий за нечто подобное, я отправлю в это окошко тебя.

Майлза отстранили от уроков за то, что он хотел писать. Точнее, за то, что он сказал, что хотел писать. После того как учитель истории, мистер Чемберлен, ответил «нет», Майлз начал его упрашивать. И как только мистер Чемберлен снова отказал, Майлз просто ушел. Конечно, в действительности его отстранили от занятий за то, что он без разрешения покинул класс, но суть вот в чем: на деле Майлз вовсе не хотел писать. И нет, по *большой* нужде ему тоже не хотелось. Майлз должен был кого-то спасти.

По крайней мере, он так думал. По правде говоря, паучье чутье в последнее время стало его подводить. Но Майлз не мог рисковать — не мог игнорировать то, что считал своей обязанностью.

— Иногда я просто не успеваю забежать в туалет перед уроком, мам, — отозвался Майлз.

Он ополоснул вилки и ножи в раковине, а его мать повесила полотенце на ручку духовки. Затем она взяла пару щипцов и вытащила куски куриной грудки из кипящего масла.

— Ага, ты каждую ночь мне это говорил, и что? Писался в кровать чаще любого ребенка.

— Парнишка мог установить мировой рекорд, — добавил отец Майлза с дивана. Он листал пятничный «Дейли Бьюгл». Он всегда покупал только пятничный выпуск. По его словам, если бы он читал газету каждый день, ему пришлось бы целыми днями сидеть дома. Повсюду ужасные твари угрожают цивилизации — и это

только статьи о телевизионных реалити-шоу. — Клянусь, Майлз, ты был самым писающим ребенком в Бруклине. Между прочим, в то время я покупал эту макулатуру каждый день, чтобы вечером было чем застелить твой матрас, — мистер Дэвис закрыл газету, свернул ее пополам и покачал головой. — А потом ты тащил посреди ночи свою обоссанную задницу к нам в спальню, воняя будто двухсотлетний лимонад и гундосая, что у тебя *произошла неприятность*. *Неприятность?* Вот что, сынок: скажи-ка спасибо своей матери, потому что, будь моя воля, ты лежал бы в мокрой постели до тех пор, пока бы она не высохла.

— Перестань, Джефф, — сказала мать Майлза, выкладывая курицу на сервировочную тарелку.

— Разве я вру, Рио? Ты всегда его защищала.

— Потому что он мой ребенок, — сказала она, промакивая лоснящееся от масла мясо бумажным полотенцем. — Но теперь, Майлз, ты уже взрослый, так что научись высиживать на месте до конца урока.

Майлз уже решил, что это больше для него не проблема. Он будет спокойно сидеть на уроках мистера Чемберлена и не станет обращать внимания на улей в своей голове, даже если пчелы в нем снова примутся жужжать. Паучье чутье всегда срабатывало, когда приближалась опасность или когда кому-то нужна была помощь, но с начала этого учебного года, его предпо-

следнего года обучения в Бруклинской академии, паучье чутье... свихнулось. Почти как если бы его способности сходили на нет. Он снова и снова сбегал с уроков Чемберлена под предлогом похода в туалет, стремглав мчался по коридору, выходил за дверь, порыв ветра и... ничего. Ни монстров. Ни мутантов. Ни психопатов. Бруклин как Бруклин, только теперь ему приходилось придумывать очередное неуклюжее оправдание, почему он был в туалете так долго.

Быть может, у его супергеройских способностей ограниченный срок годности. Возможно, не стоит нарываться на наказания от предков, сбегать, рискуя, что его выгонят из класса или исключат из школы, если нет гарантий, что он останется Человеком-Пауком к выпускному.

Пчелы продолжали жужжать, пока он заканчивал накрывать стол на четверых. Он проشمыгнул мимо матери, когда она выкладывала рис из горшочка в миску, и высунул голову в открытое окно.

— Не понимаю, зачем высматривать, кто идет, если ты уже и так знаешь, — произнес отец Майлза, моя руки в раковине. Он чмокнул жену в щеку. — Пахнет отлично, дорогая. По правде говоря, пахнет настолько хорошо, что недалекий дружок нашего сына мог учуять запах с другого конца Бруклина.

— Будь помягче. Ты же знаешь, что у него сейчас трудные времена, — сказала мать Майлза.

— У нас у всех сейчас трудные времена — особенно с пятаками, десятками и четвертаками, — отец Майлза потер большим пальцем указательный. — Понимаешь, я люблю паренька, но нам не потянуть еще один рот за этим столом.

Мать Майлза повернулась к мужу, положила руки ему на грудь и вздохнула.

— Любовь проявляется в поступках, папочка, а не в пустых словах.

Она легко поцеловала его в губы.

— Здорово! — удивленный поведением родителей Майлз выглянул на улицу и увидел друга. — Подожди! — На другом конце комнаты парень нажал на кнопку, которая автоматически открывала парадную дверь. Затем он открыл входную, и на лестнице послышались тяжелые шаги.

— Здорово! — бросил Ганке, практически вваливаясь в квартиру. Ганке, плотный корейский мальчик, был лучшим другом Майлза, верным помощником и соседом по комнате в общежитии Бруклинской академии. Он тут же внимательно осмотрел лицо Майлза: левую щеку, правую щеку, а затем прошептал:

— Все хорошо? Я удивлен, что предки тебя не убили, — затем он прошел мимо Майлза, чтобы поприветствовать его родителей. — Здравсьте, миссис Эм, мистер Джефф. Что сегодня на ужин?

— Не знаю, Ганке, но угадай, кто может знать? *Твои* родители, — сказал отец Майлза.

Миссис Моралес хлопнула мужа по руке.

— А, да я и так знаю, что у них на ужин, мистер Джефф. Я уже поел, — сказал Ганке, пожав плечами.

— Э-э, Ганке, мой руки и садись. Ты же знаешь, мы всегда рады пригласить тебя на ужин, даже если это ужин номер два. Сегодня у нас *chicharrón de pollo*.

Ганке озадаченно посмотрел на отца Майлза, который уже стоял позади стула во главе стола.

— Жареная курица, — на его лице отразилась смесь раздражения и сочувствия.

— О, замечательно.

— Хотя вряд ли это что-то меняет, — бросил отец Майлза, выдвинул стул и сел.

— Что верно, то верно, мистер Джефф.

Майлз поставил курицу, рис и зелень на стол, а затем сел. Его мама воткнула столовые ложки в рис и миски с зеленью, положила щипцы на тарелку с курицей. После она тоже села.

— Произнеси молитву, Джефф, — сказала миссис Моралес. Майлз, его отец и Ганке резко отдернули уже протянутые к вожделенным тарелкам руки и развели их в стороны, чтобы взяться за рядом сидящего.

— Ага, да, разумеется. Склоните головы, парни, — сказал отец Майлза. — Господь, помоги, пожалуйста, нашему сыну, Майлзу, хорошо вести себя в школе. Потому что иначе

эта домашняя еда может стать последней в его жизни. Аминь.

— Аминь, — серьезно повторила мать Майлза.

— Аминь, — произнес Ганке.

Майлз поиграл желваками, бросил взгляд на Ганке. Ганке потянулся за щипцами для курицы.

Воскресные ужины в семье Майлза были традицией. Всю неделю Майлз жил в общежитии Бруклинской академии, а в субботу... что ж, даже родители Майлза понимали, что во всем Бруклине не сыскать шестнадцатилетнего подростка, который хотел бы провести субботний вечер с предками. А вот воскресенье идеально подходило для раннего семейного ужина. Ленивый день для всей семьи. На самом деле, не считая того что мать будила его на раннюю утреннюю литургию, остаток дня Майлз мог бездельничать или смотреть с отцом старые научно-фантастические фильмы и умолять маму приготовить на ужин его любимые пастелес¹.

Однако это воскресенье не было таким уж спокойным — впрочем, как и все выходные в целом. После отстранения от занятий, произошедшего в четверг днем, святой отец Джейми в качестве покаяния велел Майлзу просто прочесть пару молитв и отпустил его с миром. Но

¹ Традиционное блюдо стран Латинской Америки — закрытые пирожки с мясом, жаренные в большом количестве масла (*прим. пер.*).